КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

А. С. Роботова,
профессор кафедры педагогики

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ЖУРНАЛЫ…

Книга — это средство перешагнуть любые границы. Ни у кого не хватит личного опыта, чтобы понять других людей, да и себя самого.

А. Моруа

В своем профессиональном кругу мы жалуемся на то, как мало читают современные студенты, как много времени отдают они компьютеру, развлечениям, а дневную форму обучения некоторые самостоятельно превращают почти в заочную. Однако зададимся вопросом: не есть ли эта тенденция всеобщей, относящейся и к нам самим — тем, кто учит и воспитывает новое поколение. Рискую обидеть своих коллег по преподавательскому цеху, но и мы, наверное, тоже вовлечены в общий поток снижения читательской активности, глубокого читательского интереса, которые всегда были свойственны университетским преподавателям.

В своих заметках хочу выразить одну мысль: в безбрежном море *возможного* выбора для чтения чрезвычайно полезно обратиться к некоторым журналам, публикации в которых могут прямо не относиться к нашей преподавательской деятельности — преподаванию психологии, истории, педагогики, литературы, математики, биологии и др. Однако они могут повлиять на наши привычные профессиональные установки, побудить задуматься над целым рядом вопросов, напрямую связанных с университетским образованием, культурой, ценностями разных поколений и многими другими проблемами, которые возникают и в учебной, и в исследовательской, и во вновь активизирующейся воспитательной деятельности.

Усиление гуманитарной составляющей в университетском образовании, вероятно, требует от каждого из нас *современного* понимания целого ряда своих профессиональных проблем, осмысления предметного содержания преподаваемой дисциплины в более обобщенном культурном и ценностно-смысловом контексте. На мой взгляд, это помогает сегодня сделать такой журнал, как «Вопросы философии». Конечно, преподаватели-философы могут профессионально и объективно оценить публикации в нем. Я не ставлю перед собой такой задачи. Свою задачу я вижу в том, чтобы в некоторых статьях выделить общезначимый педагогический и научный смысл. Убеждена: статьи в этом журнале побуждают к рефлексии, к самооценке профессиональных позиций, к размышлению над проблемами той науки, которой занимается любой преподаватель. Одновременно возникает мысль и о необходимости коллективного размышления над целым рядом проблем, которые важны для всех, кто работает в сфере высшего образования.

Передо мной статья И. И. Кравченко «Либерализм: политика и идеология» (4). Интересна ли она преподавателю педагогики? Или других гуманитарных дисциплин? Скорее всего интересна и нужна… Почему? Чтобы оценить современное понимание указанных категорий, которые, как принято сегодня говорить, у всех «на слуху». Почему еще? Думаю, чтобы не произнести скороговоркой оценку прежней идеологии при анализе ранее существовавшей науки, концепции, системы воспитания, образования, научной деятельности, чтобы с пониманием категории «идеология» оценить деятельность конкретного ученого-педагога, любого другого ученого, ту или иную научную, педагогическую идею прошлого и настоящего. Автор статьи раскрывает эту категорию как универсальную, проникающую во все сферы (сферу управления, руководства, научной деятельности, в сферу умонастроения и поведения и др.), как категорию, имеющую пространственно-временное измерение. Статья побуждает задуматься над проблемой *идеологии развития*, в которое, разумеется, вовлечена и сфера образования, наиболее близкая нам, над связью идеологии с другими системами: экономикой, политикой, правом, наукой, моралью и факультативной системой — религией. Поэтому статья может быть полезна и интересна многим, а не только тем, кто занимается политологией или другой социогуманитарной наукой. Разумеется, содержание статьи много шире, чем обозначено выше. Однако читательское восприятие избирательно, а внимание останавливается на том, что вызывает наибольший интерес.

Обязательным компонентом нашей университетской деятельности является научно-исследовательская работа (вспомним о миссии университета!). И в этой связи встает вопрос о методологических основаниях и ориентирах наших собственных исследований и исследований, выполненных при нашем руководстве. Вопрос этот сегодня необычайно сложен, поскольку сама методологическая ситуация стала либеральной, что обусловило более свободный выбор методологических позиций. Мы стали более свободно рассуждать об исследовательских программах и парадигмах, доказательствах и опровержениях и их роли в науке. Очевидно, многие из нас, размышляя об этом, задумывались над синергетикой и синергетическим подходом. Пусть я покажусь дилетантом, но признаюсь: у меня всегда возникал целый ряд вопросов при встрече с научными текстами, в которых авторы непринужденно рассуждали о рождении порядка из хаоса, о самоорганизации систем и т. д. И в этой связи оказалось очень полезно и интересно прочитать статью В. Поруса

«Является ли наука самоорганизующейся системой? *Полемические заметки по поводу книги «Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания» (Под ред. Л. П. Киященко. — М., 2004)* (6). Оценивая новую книгу о синергетике и синергетической парадигме, о развитии науки в этом контексте, автор пишет вдохновенно, подчас иронично, полемизируя с рядом авторов, пишет тревожно, задаваясь вопросом, важным для всех, кто занимается конкретной наукой. Отчетлива его протестующая позиция (оппозиция) против видения человека «одним из составляющих хаотического множества индивидов» (6:107), против «детерминированного хаоса культуры, порождающего многообразие взаимодействий возможных языков и методологий науки» (Там же). Автор не отвергает синергетику, считает, что интерес к ней не исчезнет, как он не исчез по отношению к кибернетике и системному подходу, но считает, что необоснованное «переоблачение» (метафора автора статьи) ряда продуктивных идей в «модную» форму не способствует постижению их сущности. Я ни в коей мере не могу считать себя знатоком синергетического подхода, хотя мне пришлось однажды писать отзыв о книге, в которой утверждались идеи синергетики в педагогике. Тогда мне захотелось все это понять, освоить. Но все противилось мыслям о хаосе, из которого рождается система. И сейчас осталось множество вопросов. Читая статью, я чувствовала, что разделяю в ряде случаев иронию, скепсис автора, и у меня возникло желание прочитать саму рецензируемую книгу, по поводу которой написаны полемические заметки В. Поруса, чтобы проверить себя и с большим пониманием читать тексты, в которых декларируется синергетический подход. Это тот редкий случай, когда рецензия лишена занудности, когда текст ведет за собой. Наверное, она особенно полезна тем, кто создает научно-исследовательские программы, оценивает эвристичность тех или иных методологических подходов. Но ее интересно читать и таким дилетантам в синергетике, как я. Почему? Статья эта — пример стилистики научного полемического жанра. А это необычайно обогащает внутреннюю и внешнюю речь преподавателя, необходимую в преподавании, при написании научных работ, на заседаниях диссертационных советов и т. д.

* * *

Три десятилетия я работаю на одном и том же (филологическом) факультете, который когда-то закончила (тогда он был историко-филологическим). Может быть, и поэтому так интересно видеть, как меняется со временем студенческая аудитория. Меняются прически, одежда, поведение (оно становится более раскованным), все больше появляется студентов «без комплексов». Меняется стиль общения, речь (чего стоят «универ», «препод» и др.). Меняются предпочитаемые авторы, отношение к традиционным ценностям. Меняется характер учения, самостоятельной работы. Студенты более свободно рассуждают о получаемом образовании, о перспективах трудоустройства. Теперь редко встретишь рукописные работы. Преобладают выполненные на компьютере, рождающие подозрение о способе выполнения. Такие перемены могут раздражать, удручать, тревожить, заставлять задумываться. Однако когда слышишь по-настоящему умный доклад, блестящие рассуждения современного студента (пусть даже одного-двух), все больше хочется понять эти динамично меняющиеся поколения, а не только осудить их «клиповое сознание», их отход от традиционных ценностей. И с этих позиций оцениваешь статьи о цивилизации и культуре, о национальной и мировой культурах, о варварстве как оборотной стороне цивилизации, об информационном обществе и его противоречивых последствиях, о гипертексте, об Интернете как особом явлении современной жизни. Возникает множество вопросов, связанных с *нашим и их* отношением к этим новым явлениям жизни.

Убеждена: преподавателю должно быть свойственно самоизменение при сохранении личностной идентичности. Именно поэтому так важно понять, надо ли что-то менять в себе, а если надо, *что* именно: позиции, отношения, предпочтения, способы преподавания, общения и др. Именно об этом заставляет задуматься статья В. В. Миронова во втором номере журнала «Вопросы философии» за 2006 год (5). Автор глубоко анализирует последствия становления пространства мировой инфосферы, которые, вероятно, на житейском уровне нам понятны: «втягивающая» в себя виртуальная действительность, перенос законов компьютерной игры на реальную жизнь, универсализация и упрощение языка, распространение неконтролируемого рационализма, возрастание коммуникативно-психологических проблем (эти проблемы обозначает В. В. Миронов). Однако одна из целей статьи В. В. Миронова, как мне представляется, связана с теми проблемами, которые возникли в связи с социокультурной динамикой общества и — как следствие — с изменившимся обликом нашего молодого современника. Какие мысли автора могут быть интересны и полезны современному преподавателю традиционалистского типа? О взаимодействии культур и о специфике этого взаимодействия сегодня: между культурой классической, «стационарной» и стабильной, «рафинированной» (ее олицетворял Университет) и культурой массовой, востребованной многими людьми, в том числе и нашими студентами, в повседневной жизни. Развивая мысли М. М. Бахтина, имя которого сегодня иногда не по одному разу на странице встречается в авторефератах диссертаций гуманитарного направления, В. В. Миронов помогает понять читателю оппозицию и одновременно необходимость диалога между высокой и массовой культурой, понять дихотомию «прикровенность — сокровенность» как механизм развития культуры.

Необычайно интересны и полезны для понимания читателя рассуждения о многих процессах культурного свойства, вызывающих протест со стороны тех, кто воспитан на высоких образцах классической культуры. Это положения о нарушении пропорции между массовой и высокой культурой, о синхронизации культур, о формах репродукции массовой культуры, о расширении псевдокультурного поля общения, о шоу как феномене современной культуры и форме коммуникации. Но ведь мы, кажется, и об этом тоже знаем, хотя бы изредка просматривая некоторые передачи и реалити-шоу по ТВ. А гуманитарии хорошо понимают и без этой статьи сущность псевдокультурного поля общения и карнавальной культуры. Но о чем же тогда заставляет задуматься статья В. В. Миронова? Об очень многом… Ориентируясь на высокую культуру в образовательном процессе, мы встаем перед огромным количеством проблем, связанных с изменением культурных предпочтений и ценностных установок в сознании нашей аудитории. Как решать эти проблемы? Делать вид, что все осталось по-прежнему? Или менять привычные формы педагогического влияния? Делать их

более диалогическими, субъектными, гибкими, менее авторитарными? Стараться понять *новое* поколение, которое *по-новому* воспринимает то, чему поклонялись мы?

В этой статье о культуре есть еще одна интересная идея: об изменении форм презентации достижений науки, о сегодняшней востребованности «адаптированных результатов, рассчитанных именно на массовое восприятие» (5:39), о проникновении карнавальной культуры в науку, что проявляется в интерпретации научных достижений в СМИ, приобретающей часто форму сенсации, рекламы, а не серьезного аналитического «продвижения» открытия. Особенно актуальными представляются мысли автора о том, что наука и образование все чаще подгоняются под упрощенную модель, связанную с рыночными потребностями. И это тоже заставляет о многом задуматься…

Философская рефлексия автора о небезобидной диспропорции между высокой и низовой культурой, об агрессивности последней, думаю, представляет интерес не только для профессиональных философов и культурологов. Ею, наверняка, должен проникнуться каждый, кто занимается образованием в условиях «постмодерна как особой культурной стилистики». В конце концов философствование свойственно каждому человеку. Размышляя о корневых основаниях своей деятельности на поприще университетского образования, наверное, полезно не только констатировать состояние кризиса культуры, но искать способы внутрикультурного диалога, который, разумеется, должен происходить и в студенческих аудиториях. Во всяком случае я так поняла настроение автора этой статьи.

* * *

Сегодня необычайно острой стала проблема толерантности. Публикаций на эту тему много. Но каждая вновь появившаяся открывает новый аспект в этой многогранной проблеме. Вот и статья Г. С. Кожухарь (3), которая представляет ее не только как междисциплинарную научную проблему, но и как проблему общезначимую, поскольку каждый из нас становится субъектом межличностного общения, в том числе и в сфере профессиональной деятельности. Автором поднимается важный для педагогического общения вопрос о взаимосвязи конфликта и толерантности. Опираясь на работы в разных областях знания, Г. С. Кожухарь выдвигает целый ряд положений, соблюдение которых важно в профессиональной педагогической деятельности. Эти положения согласуются с идеями диалога, диалогового общения и диалогового взаимодействия, идеями, важными не только для тех, кто этим занимается профессионально, но и для любого преподавателя, избирающего стратегию *взаимодействия* в науке, в преподавании, в повседневном общении. Они (эти идеи) обязывают полагаться не только на свои личностные свойства, но и на современные знания о природе общения и о роли толерантности в этом противоречивом процессе. Для читателя (не обязательно психолога) представляет интерес положение о поведенческом уровне толерантности, проявляющемся «в форме критического диалога, ассертивного поведения (т. е. уверенного поведения, основывающегося на способности отстаивать свою точку зрения и добиваться цели, уважая партнера и не нарушая отношений с ним), в разнообразных видах кооперативного взаимодействия» (3:6). Это вызывает размышление о разнообразных формах проявления «инаковости», о причинах возникновения напряжения, конфликта, интолерантного поведения, о значимости совладающей реакции в межличностном общении. Анализируя возникавшие конфликтные ситуации в деятельности и общении, с точки зрения современных знаний о толерантности, убеждаешься в том, что ресурсы пополнения нашего профессионального «багажа» и профессионального совершенствования действительно неисчерпаемы. «Век живи — век учись». Читая статью, приходишь к прагматическому выводу о том, что толерантность даже весьма *полезна* для самого человека, проявляющего ее по отношению к другому. Она снимает напряжение, обеспечивает устойчивость к стрессу, способствует развитию способности управлять своими внутренними ресурсами, преодолевать эмоционально-когнитивный диссонанс. Так, во всяком случае, считает автор. У нас, преподавателей, возникает множество ситуаций (занятия, экзамены, научная полемика и т. д.), когда необходимо проявить толерантность не только для предотвращения конфликта, но и для себя самого… Однако, испугавшись неквалифицированных рассуждений, останавливаю свои размышления, предполагая, что у кого-то из читателей эта статья вызовет личный интерес и желание ее прочитать.

* * *

О некоторых публикациях, имеющих общезначимый смысл, очень коротко. Интригует само название статьи А. В. Соколова — «Формула интеллигентности» (7). Неужели это во многом дискуссионное в науке понятие можно обозначить формулой? Какое-то, на первый взгляд, несовместимое сопряжение гуманитарности и формализации… Но автор это делает, разъясняя, что «интеллигентность обязательно предполагает интеллектуальность» + креативность. При этом третьим элементом формулы является этическое самоопределение, что и превращает интеллектуала в интеллигента. «Этическое самоопределение либо вырабатывается самостоятельно — это удел духовно сильных личностей (аристократов духа), либо приобретается путем приобщения к какой-либо интеллигентской субкультуре» (7:63). Кто мы: интеллектуалы или интеллигенты, аристократы духа или всего лишь приобщившиеся к интеллигентской субкультуре? Очень даже интересный вопрос…

Сейчас, когда мы много размышляем над профессионализмом и профессиональной компетентностью специалиста, интерес может представлять статья о конкретном специалисте. В статье развивается идея *взаимосвязи* профессиональных качеств, а не уровня их выраженности: «… для успешности овладения деятельностью и ее осуществления особое значение имеет не столько уровень выраженности отдельных профессиональных качеств, сколько характер взаимосвязей между ними» (2:98). Ссылаясь на исследования В. Д. Шадрикова и его коллег, автор подчеркивает важность такой профессионализации личности, которая сопровождается образованием *интегративных* ансамблей (симптомокомплексов) качеств. Автор утверждает: «Компонентный состав профессионально обусловленных ансамблей постоянно изменяется, меняются корреляционные связи между их составляющими. Однако для каждой профессии существуют относительно устойчивые ансамбли профессиональных характеристик» (2:98). Знаем ли мы об этих *ансамблях* профессиональных характеристик, которые необходимы в будущем тем, кого мы учим и воспитываем?

* * *

Деятельность многих вузовских преподавателей осуществляется с начала 90-х гг. на двух уровнях: на

университетском и школьном. Школа является той средой, в которой идет непрестанное обогащение сознания живыми педагогическими впечатлениями, обобщениями, знаниями, без которых невозможно ощущать *педагогику* как постоянно развивающуюся область знания, востребованную самой педагогической действительностью. Именно это побуждает нас читать и то, что обращено к практике школьного образования. Но нужно ли это только представителям педагогических специальностей университета? Разумеется, нет… Нельзя научить человека тому, как учить и как воспитывать школьника, если сам учитель не образован, если он сам не приобщен к культурным ценностям, если он не знает русского языка, литературы, химии, биологии и др. Именно к этим мыслям приходишь, когда начинаешь знакомиться с «Вестником образования», у которого есть такой подзаголовок — «Сборник приказов и инструкций Министерства образования и науки Российской Федерации». Передо мной сдвоенная книжка этого «Вестника» за март 2006 года. В этом номере напечатаны «примерные билеты» для экзаменов по выбору для базового и профильного уровней для ОУ, «осуществивших переход на профильное обучение». Читаю и перечитываю варианты билетов по разным предметам, и меня не оставляет мысль о том, а как бы ответили на ряд вопросов наши студенты, готовы ли они, если придут в школу, готовить выпускников к ответам на такие вопросы. Вот литература — *базовый* уровень. **Билет № 20:** 1. «Диалектика души» героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (на примере одного из персонажей по выбору экзаменуемого). 2. Своеобразие лирического героя поэзии О. Э. Мандельштама (на примере 2–3 произведений по выбору экзаменуемого). 3. В чем смысл мистического финала повести Н. В. Гоголя «Шинель»? (1:55). Перелистываю журнал. Дошла до *профильного* уровня. Тот же **билет № 20**: 1. Духовный облик любимых героев Л. Н. Толстого в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Разнообразие средств психологической обрисовки героев в произведении. 2. Диалог времен и культур в лирике О. Э. Мандельштама (на примере 2–3 стихотворений по выбору экзаменуемого). Роль изобразительных средств в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков…» 3. Тема «русского бунта» в произведениях отечественной литературы (1:59).

Не меньший интерес представляют вопросы для экзамена по русскому языку. **Билет № 16** *(базовый* уровень): 1. Составьте сложный план на тему «Основные функционально-смысловые типы речи». 2. Прочитайте текст. Проведите анализ текста по предложенному плану. 3. Устно (подробно, сжато, тезисно) перескажите проанализированный вами текст (1:31–32). Составители билетов поясняют, что требуется знать, чтобы ответить на каждый вопрос. Например, при ответе на второй вопрос: «*Анализ* текста может быть проведен по следующим параметрам:

• информационно-смысловой и композиционный анализ текста (определение темы, проблемы, главной мысли текста, количества микротем, составление плана и т. п.);

• стилистический анализ текста (обоснование принадлежности текста к определенному стилю речи, выделение характерных для стиля языковых средств и стилистических приемов);

• типологический анализ текста (выделение в тексте ведущего типа речи, указание на сочетание в тексте различных типовых фрагментов);

• языковой анализ отдельных элементов текста (лексический анализ указанных учителем слов и фразеологизмов; анализ указанных грамматических средств, характерных для того стиля речи, к которому относится анализируемый текст; орфографический и пунктуационный анализ выделенных фрагментов текста)» (1:26-27).

Билет № 23 (*профильный* уровень): 1. Объясните, как вы понимаете смысл следующего высказывания: «Как и язык в целом, синтаксис всегда находится на службе самого человека, его мыслей и чувств» (Р. Будагов). 2. Объясните, в чем различие словарных статей из толкового, орфографического, орфоэпического словарей. 3. Прочитайте тексты. Сравните содержание и языковое оформление текстов: проблематику, стиль, тип речи, отбор языковых средств. Сделайте вывод о том, чем похожи и чем различаются тексты (1:41–42). А внимание останавливается на вопросах билетов по другим предметам: «1. Древнерусская культура X — начала XIII в. 2. Формирование новой российской государственности в 90-е гг. XX в.: этапы и особенности политического процесса. 3. Перечислите события Северной войны в их хронологической последовательности. Какое важное для государственного статуса России принял Сенат по ее окончании?» (1:92). Это история России, *базовый* уровень. Читаем дальше: «1. Глобальные проблемы современности и пути их решения. 2. Духовный мир личности. Мировоззрение. 3. Согласны ли вы с утверждением французского писателя Ф. Р. Шатобриана: «Как и почти всегда в политике, результат бывает противоположным предвидению?» Аргументируйте свой ответ. Чем объяснить, что результат не всегда совпадает с намеченной целью?». Это обществознание, билет № 1, базовый уровень (1:109). Интересно, а каков *профильный* уровень? Какие вопросы в том же билете № 1? — «1. Человек как результат биологической и социально-культурной эволюции. 2. Политическая система, ее структура и функции. 3. Сформулируйте критерии сопоставления различных типов обществ: традиционного, индустриального, постиндустриального. Проведите по этим критериям сравнительный анализ характеристик этих обществ. Оформите результаты в сравнительную таблицу» (1:115).

Право, есть, над чем задуматься… А еще есть билеты по иностранному языку, праву, алгебре, геометрии, информатике и т. д. Приходишь к выводу, что наши размышления о содержании высшего образования, о способах преподавания, о формах учебной аттестации, наверное, всегда должны соотноситься с теми процессами, которые происходят в современной средней школе.

P. S. Автор не ставил перед собой самонадеянной цели *дать рецензию* на упоминаемые в тексте статьи и материалы. Цель была иной — остановить внимание на том, что может быть интересно не только специалистам в той или иной научной или проблемной области, а может заинтересовать многих.

Литература

1. Сборник приказов и инструкций Министерства образования и науки Российской Федерации // Вестник образования. 2006. № 5–6

2. *Иоголевич Н. И.* Особенности индивидуальности студентов-менеджеров // Вопросы психологии. 2005. №. 3. С. 97–106.

3. *Кожухарь Г. С.* Проблема толерантности в межличностном общении // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 3–12.

4. *Кравченко И. И.* Либерализм: политика и идеология // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 3–14.

5. *Миронов В. В.* Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.

6. *Порус В. Н.* Является ли наука самоорганизующейся системой? // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 95–108.

7. *Соколов А. В.* Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 57–67.

М. А. Черняк,
доцент кафедры новейшей русской литературы

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ: ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО, ИЛИ ИГРЫ РАЗУМА

Вечер с детективом — это прекрасно.
Тут и быт, тут и светская жизнь.
А. Ахматова

Детектив любят за то, что его сюжет –
это всегда история догадки.
У. Эко

«Не исключено, что настанет время, когда историки литературы, рассуждая о произведениях, созданных <…> в XX веке, лишь бегло остановятся на сочинениях серьезных писателей, а все внимание сосредоточат на обширной и разнообразной продукции детективистов. И тогда им в первую очередь придется ответить, *чем объясняется неслыханная популярность этого жанра*», — писал С. Моэм. Уже в новом, XXI веке, вопрос, поставленный Моэмом, ждет ответа.

Сегодня детективы читают, пожалуй, все. Но в связи с тем, что этот жанр принадлежит к области массовой литературы, о которой пренебрежительно говорят: «Чтиво», сам процесс чтения окружен мифами. Одни, полагая, что у детективного жанра не очень хорошая репутация, делают это стыдливо, с оговорками (не случайно Б. Акунин признавался, что начал писать «детективы для разборчивого читателя» после того, как увидел, что жена прячет от посторонних глаз обложку детектива). Другие справедливо считают, что детектив как строго логический жанр интеллектуальной загадки открывает широкие возможности для изображения особого среза реальности, отражающего вечную проблему добра и зла, преступления и наказания. Однако уже никто не спорит с тем, что детектив занял особое место в современной культуре.

З. Гиппиус, любившая, по ее словам, перед сном почитать хороший детектив, писала: «Я знаю людей, вовсе не “средних” в обычном смысле, которые признаются, что им в иные минуты, лишь один какой-нибудь Уоллэс может дать настоящий отдых. Если так, то не имеет ли эта книга права на свое место, — не в литературе, а в самой жизни нашей?». Кроме возможности отдохнуть и отвлечься детектив привлекает читателя и своей логикой, и предоставленной по закону жанра возможностью расследовать преступление ***вместе*** с сыщиком, следователем, частным детективом и т. д., проникнуть в тайну личности — и чужой, и своей.

В 1902 году Г. К. Честертон в эссе «В защиту детективной литературы», размышляя о «внутреннем устройстве детектива», отмечал: «Первое важнейшее достоинство детектива состоит в том, что это — самая ранняя и пока что единственная форма популярной литературы, в которой выразилось некое *ощущение поэзии современной жизни*».

Если классический детектив (Э. А. По, А. Кристи, А. Конан-Дойла и др.) — это порождение урбанизированного сознания, миф о преступлении и его наказании, то современный отечественный детектив в силу определенных черт нашей действительности разрушает каноны классического детектива. Здесь уместно вспомнить определение, данное этому жанру М. Шагинян, которая в 1920-е годы с ним активно экспериментировала: «Детективная литература — наиболее рациональное и познавательное, наименее бьющее по нервам, наиболее *здоровое* современное чтение <…>. Если детектив не реален, не соответствует действительности, он проваливается, его читать не-интересно».

Именно отклик на принципиально новые социальные явления 1990-х годов обеспечил особую популярность детективу, который сохранял «чувство порядка в эпоху беспорядка» (так говорил еще в 1978 году о детективе Х. Л. Борхес). Не случайно преобладавшие на книжных прилавках в конце 1980 — начале 1990-х годов детективы всемирно признанных мастеров жанра (А. Кристи, Х. Чейза, С. Гарднера, Д. Хэммета, Р. Стаута, С. Жапризо и др.), ранее практически недоступные советскому читателю, постепенно заменились детективами отечественными. Это свидетельствует о смене читательских предпочтений, обусловленных и психологическими, и социальными причинами (стремлением адаптироваться к новым социальным ролям в обществе, необходимостью осмыслить то, что происходит в стране).

Многослойность и противоречивость сегодняшнего дня внесла серьезные коррективы в структуру отечественного детектива. Современный детективный роман, часто отмеченный скудностью и стертостью сюжетных ходов, включает в себя лоскутный облик культуры, трафареты быта, стилистическую разноголосицу.

На интеллигентного читателя рассчитаны исторические детективы Б. Акунина, экономические детективы Ю. Латыниной, политические детективы В. Суворова, Э. Тополя, Ф. Незнанского, Л. Гурского, Д. Корецкого и др. Женская аудитория выбирает «уютные», «неспешные» или иронические детективы, написанные женщинами (А. Маринина, Д. Донцова, П. Дашкова, Т. Устинова, Н. Александрова, Г. Куликова, В. Платова, Т. Полякова и др.). Важно отметить, что именно в женских детективах происходит наибольшее смешение жанров массовой литературы (это своеобразный синтез любовного, бытового и приключенческого романа с элементами детектива). Мужская аудитория традиционно выбирает боевики, «крутые», шпионские детективы и детективы сатирические. К последним относится серия «про ментов» А. Кивинова, отсылающая «памятью жанра» к производственным романам советской эпохи.